ЖИЗНЬ ЦЕРКОВНАЯ

Слуги Господни

Продолжение. Начало в № 89

Мы продолжаем очередную краеведческую эпопею, на этот раз о церковной жизни Балакова и о его церковнослужителях. В предыдущем номере мы рассказали об одном из последних диаконов Иоанно-Богословской церкви Алексее Михайловиче Лебедеве и начали публикацию отрывков из воспоминаний его сына, впоследствии Народного артиста СССР, Почётного гражданина г. Балаково Евгения Лебедева.

ЗА УПОКОЙ

«…И подойду я к Богу так, чтобы обязательно было видно Витьке. Ох, как он будет меня бояться и завидовать мне, что я накоротке с Богом и что он, Витька, ничего не может тут со мной сделать! Или вдруг Бог позовёт меня и скажет: «Соверши чудо!», и я совершаю. Я собираю всех мальчишек и девчонок, надеваю на себя самую лучшую, самую богатую ризу, подхожу к самой красивой девочке… До этого самой красивой была для меня Тося, но мы с ней вчера поругались, потому что она не захотела играть со мной в папу и маму. Я так на неё разозлился, что хотел ей косы вырвать. И вот теперь-то я ей отомщу… Я выбираю самую красивую девчонку из всех – Верку с Лягушовки. Кладу руку на её белую головку и говорю ей: «Дотронься до моей одежды, и ты увидишь, кто ты такая». Вера вся дрожит от страха, перед нею Бог, рядом я, а сзади разные святые и чудотворцы. Она протягивает ко мне дрожащую руку, а я смотрю, какое впечатление это произведёт на мою Тоську. Та стоит и плачет. Она раскаивается в том, что не хотела играть со мной вчера в папу и маму. Я молчу, виду не показываю, что мне её жалко, пусть поплачет, следующий раз не будет мне отказывать. Верка дотрагивается рукой до моей одежды, и голова её становится как солнце. Ангелы на большом подносе приносят ей много-много платьев, белых, голубых, красных, каких она только хочет, одевают её в самое лучшее…»

Здесь стоит сделать несколько пояснений. Тося – это Антонина, дочь одного из священников Иоанно-Богословской церкви, Николая Васильевича Юнгерова, внука знаменитого священника балаковской Троицкой церкви, который в начале XXI в. был причислен к лику святых (см. ранее). По всей видимости, отец Николай стал служить в Иоанно-Богословской церкви в 1916 году, как и отец Евгения Лебедева, потому что в клировых ведомостях за 1915 год он является священником с. Андреевка.

А Лягушовка – это часть города в районе детской поликлиники №1 на ул. Факел Социализма. Называлось это место так потому, что здесь было небольшое озеро, густо заселённое лягушками. Кстати, и сегодня, по весне, когда грунтовые воды выступают на поверхности земли, у поликлиники раздаётся громкое лягушачье кваканье.

Северный вход в Иоанно-Богословскую церковь

Но вернёмся к воспоминаниям Евгения Лебедева.

«…И вдруг кто-то бьёт меня по затылку не то палкой, не то рукой, я даже не понял. Так треснул, что всё чудо враз вылетело.

– Ты почему не слушаешь. Сопляк ты этакий? А? – это дедушка Афанасий. – Вот Боженька тебе уши отрежет!

Я дотрагиваюсь до своих ушей, они висят на том же месте, только почему-то стали горячими-горячими. Я потрогал рукой затылок – под пальцами вздувалась шишка. Губы мои сжались, я захлюпал, заорал и пошёл жаловаться папе.

Мы жаловались так: я жаловался папе, а брат – маме, сестра Нина тоже жаловалась папе, а Алевтина была ещё совсем маленькая, всегда сидела на руках у мамы и, конечно, жаловалась ей. Нас было четверо, двое папиных, двое маминых, но все мы были и папины, и мамины.

Папу я любил больше, и папа любил меня больше других детей. Во-первых, я самый старший, а во-вторых, я знал кое-что про папу, что не должна была знать мама. Это мне внушил папа, и за это я пользовался у него особым покровительством. Если папа куда-нибудь уходил, то всегда брал меня с собой, только меня. Уходили мы с ним часто, например, на рыбную ловлю. Мы ходили ловить рыбу на Волге или на озёра, но после заходили в дом, где жила Самарина…

…После вечерни отец шёл на дежурство к умирающему игумену при женском монастыре (о каком монастыре идёт речь, неизвестно. – **Ю.К.**) За ним шёл и я. В комнате, узкой и высокой, с одним окном, раскрытым на кладбищенскую площадь, на широком деревянном топчане, утопая в больших пуховых подушках, умирал отец игумен. Белое опухшее лицо с большими отёками под глазами, с отвисшей жирной нижней губой смотрело стеклянными глазами в правый угол, завешенный иконами святых и чудотворцев, с семью лампадками, горевшими ровным бледно-жёлтым огоньком. Посреди комнаты стоял высокий аналой с раскрытой толстой книгой. Перед аналоем стояла высокая костлявая старуха игуменья в длинной чёрной рясе с чёрным клобуком на голове. Ржавым уставшим голосом, жуя сухим беззубым ртом, она дочитывала своё «дежурство». Его окружали точно такие же чёрные, но без клобуков монахини разных возрастов, человек двенадцать, красивых и некрасивых. Они беззвучно повторяли за своей игуменьей слова молитвы, шевеля губами и перебирая чётки с маленьким чёрным крестиком. Комната была наполнена запахом розового масла, горящих лампадок и ладана. Тишину нарушал шелест перелистываемой книги…»

В Балаковском архиве сохранилось описание Иоанно-Богословской церкви, составленное незадолго до её разрушения при Советской власти:

«Иоанно-Богословская церковь – каменная, одноэтажная, с каменной, трёхэтажной колокольней – покрыта железом, в длину с колокольней 24 сажени (сажень – примерно два метра. – **Ю.К.**), в ширину – 12. В церкви три двери – Западная, Северная и Южная – с тремя железными затворами. Она пятиглавая с 36-ю окнами, рамы каковых двойные с железными решётками. Внутри церковь оштукатурена и окрашена масляной краской с священными изображениями. Внутри колокольни с левой стороны устроена кладовая, а с правой – ход на колокольню. Над Северной и Южной дверями устроены фронтоны с парапетами, каковые поддерживаются четырьмя каменными колоннами…»

Юрий КАРГИН

Продолжение следует